

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман «К другому берегу» представляет собой первую книгу из серии «Круги по воде». Это большая сага о семье Марины и Алексея Злотниковых. Хотя каждая книга серии — произведение вполне завершенное и может читаться самостоятельно, все романы объединяет единая связующая нить, на которую нанизаны судьбы героев: Алексей и Марина меняются от книги к книге, их характеры раскрываются, делаются глубже. Алексей Злотников по прозвищу Леший — художник, поэтому в романах много рассуждений о живописи — каждая из трех книг заканчивается картиной, которую он написал. Марина тоже проходит свой путь взросления, постижения себя, определения своей роли в этом мире.

Название саги — «Круги по воде» — выбрано не случайно. Есть люди деятельные: творцы, креаторы, которые переделывают мир, совершенствуют. Или ломают. Такие персонажи есть в романах саги. Есть люди созерцательные, которые наблюдают, любят, а потом пишут романы, поэмы или картины — это Алексей Злотников. И есть люди, вдохновляющие других на подвиги или на творчество. Они

напоминают камни, брошенные в воду, — камень просто лежит на дне, а пущенные им круги все расходятся и расходятся, меняя действительность. Подобные люди самим фактом своего существования преобразовывают мир. Такова Марина — главная героиня саги «Круги по воде».

Она произносит: лес, — и он превращается в лес
с травой по колено, с деревьями до небес,
и входит она в свечение зелёных крон,
и лес обступает её с четырёх сторон,
она произносит: свет, — и он превращается в свет,
и нет никого на свете, и слова нет,
и облако белой глиной сворачивается в клубок,
пока еле слышно она произносит: бог...

Сергей Шестаков

ПРОЛОГ

Автобус опоздал — всегда опаздывал, Леший привык. Сидел на корточках, привалившись спиной к стене автостанции, и ждал. Подставил лицо августовскому нежаркому солнцу, смотрел, как лениво плывут облака — так же лениво плыли мысли: «С одной стороны — хорошо, что Кондратьевы приедут, не так дико будет, а то вообще как в пустыне — тетка Маша с овцами да кошками, и всё. А с другой стороны — привык уже один, сам по себе...»

Автобус наконец подъехал, открыл двери. Народ вываливался сомлевший, спрессованный, распаренный двухчасовой дорогой, — как всегда, битком набито. Первыми выскочили мальчишки, Сергеичи — Сашка и Мишка. Старшего так и звали дома — Пушкин, а младшего — уважительно: Михал Сергеич!

Сгрел ребятешек в кучу, слушая звонкое верещание:

— Дядя Леший! Дядя Леший, а катер не ушел? А вода высокая? А мы по дороге поломались!

— Не укачало вас, ничего? — краем глаза заметил бледную до зелени тетку, скользнувшую за угол: вот уж кого укачало до рвоты.

— Какой он вам Леший! Ну-ка! Дядя Лёша! — встряла Татьяна.

— Да ладно, пусть их!

Обнялись с Серёгой, поцеловались с Татьяной.

— Ну что? Как там с катером? — спросил Серёга.

— Время есть, — ответил Леший. — Вода высокая, катера ходят. Один упустили, другой должен где-то часа в два подойти. Так что можно поесть сходить.

— Ага! К дяде Мите? — обрадовалась Татьяна.

— Ждет! Вы идите, а я посижу с вещами, чтоб не таскать туда-сюда.

— Хорошо! Марин, как ты? — обернулась Татьяна. — Мы хотим к дяде Мите сходить, время есть. Перекусим.

— Нет, вы идите. Я здесь посижу...

Леший с удивлением оглянулся: давешняя зеленая тетка стояла рядышком. Господи, это еще кто?

— Не пойдешь? — участливо спросила Татьяна.

— Да нет, не могу. Я посижу, отдышусь.

— Лёш, тогда пойдём? А Марина с вещами останется, — сказала Татьяна.

— Ладно, пошли, — кивнул Алексей.

По дороге он спросил у Таньки:

— Что еще за Марина?

— Так Марина же! Ты не узнал, наверное?

— Марина?! Как... Марина? Подожди... Что с ней такое?!

— А! Горе горькое! У нее мать в прошлом году умерла. А теперь вот... друга своего... потеряла, совсем недавно.

— Подожди! Друга? Так это что? Это что же — Дымарик умер?!

Леший остановился, оглянулся. Сидит сгорбленная фигурка на рюкзаках... Боже!

— Ну да. Сердце. В одночасье, — пояснила Татьяна.

— Он же молодой еще совсем!

— Почти сорок пять было.

— Господи, Дымарик... — Леший все никак не мог поверить.

Все так его и звали, по фамилии, уж больно вкусно звучало — Дымарик! Вадим Павлович Дымарик. Врач был, кардиолог. Хороший врач — Леший сам к нему обращался, когда отец заболел, тот помог.

Марина... Что же с ней стало: бледная, худая, стриженная! А раньше волосы были ниже пояса: лунные, русалочьи — длинные, как бабка говорила. А отец называл: мечта моряка. Бывало, взглянет Марина серыми глазищами-озерами — аж все внутри ёкает. Акварель прозрачная! А сейчас — ни волос, ничего. Рисунок карандашом. Графитным,

жестким — по серой оберточной бумаге. Бумага рыхлая, острый кончик карандаша рвет ее, царапает, оставляя резкие блестящие линии. И глаза — мертвые...

Погрузились на катер, поплыли. Марина осталась наверху: мне тут лучше, и все. Леший не выдержал, пошел проведать: сидит на ветру, видно — озябла.

— Спустилась бы вниз, а то простынешь!

— Нет, здесь лучше, на воздухе... Долго нам плыть?

— Часа полтора-два, не иначе. Что-то уж больно медленно тащимся!

— Долго... — Вдохнул, покачал головой. Снял куртку, укрыл ее сверху.

— Спасибо...

Пошел, принес термос с чаем и пирожков в пакете.

— Я не могу...

— Надо. Тебе лучше станет. Утром-то небось не ела ничего. Давай.

Налил ей чаю, подал. Вдохнув, отпила, потом еще:

— Вкусно как! Это что за чай? Пахнет как замечательно...

— С кошачьими лапками. Дядя Митя хороший чай делает, сам траву сушит.

Еще отпила, потом, шмыгнув носом, взяла пирожок. Он смотрел на бледное лицо, синие тени под глазами, на тонкие дрожащие пальцы, держащие румяную сдобу, и сердце сжималось от жалости и...

ярости! Что сделала с собой! Черт! Марина подняла к нему лицо:

— Спасибо! — И улыбнулась. Одни губы улыбнулись, а глаза смотрели все так же мертво, не видя. Наконец показалось Афанасьёво — первый дом на высоком берегу, пустой, заколоченный.

— Ой, какой берег крутой! — завопили мальчишки.

— Хорошо, вода высокая, а то еще ниже причалили бы, — сказал Леший. — Ну ладно! Полезли!

— Еще глина эта... — ворчала Татьяна. — Вот черт!

— Эй, а вы куда? — прикрикнул Серёга на пацанов. — Ну-ка, взяли, потащили! Вы мужики или кто?

— Ну, па-ап!

— Что пап? Быстро! — сказал Серёга.

Леший засмеялся, увидев, как мальчишки, оскальзываясь, полезли вверх со своими рюкзачками, и подпихнул младшего под тощий зад — вперед! Он оглянулся на Марину — карабкается потихоньку.

— Подожди-ка! Дай помогу! — предложил он.

— Да я сама...

Сама... Леший снял с нее рюкзак и потащил вверх. У дома рухнули все.

— Ох, господи! Полжизни... — пыхтел Серёга. — Лёшка, спасибо тебе!

— На здоровье! Я избу вам протопил, так что тепло будет.

— Зачем? Дядя Леший, зачем? Ведь лето! — закричали мальчишки.

— Север здесь, ночи холодные, и дом нежилой стоял.

— Лёш, ты обедать приходи... — сказала Татьяна.

— Да ладно, разбирайтесь. Потом погуляем! Отметим, — кивнул он и пошел к себе, оглянувшись на Марину: стоит, в небо смотрит. Ох, горе...

А Марина смотрела на облака и думала: «Так бы и стоять. Вечно. Окаменеть тут окончательно, стать каменной бабой — вроде тех, что в полонецкой степи в землю вросли. Ничего не болит, ничего не страшно...» Оглянулась — Леший идет по траве, уже далеко.

Леший... Где ж ты раньше был? А теперь и не узнал вот. Сама его с трудом узнает, в этой бороде. И что-то в нем поменялось. Поломалось. Другой стал.

Зачем это, а? Зачем это случилось, что они опять встретились?

Зачем?!

ЧАСТЬ 1

Моя маленькая

Первый раз Леший увидел Марину пять лет назад, в середине июня, когда пришел к Дымарику на Пироговку про отца договариваться, а она в холле сидела и книжечку читала. И хотя Лешему было совсем ни до чего — отец болел, на горизонте грозовой тучей нависала нежеланная свадьба, — он обратил внимание на девочку с книжкой. «Ах, какая девочка!» — подумал. На ней была коротенькая белая юбочка, и сидела она, скромно свинув розовые коленки, блузочка тоже белая, а сквозь нее какое-то кружево просвечивает — от лифчика, что ли? И в вырезе блузки самое начало груди видно, мягкая ложбинка — сама худенькая, а грудь высокая. Волосы — длинные, светлые, назад забраны, а вокруг головы — дымка из тонких, чуть вьющихся прядей, на солнце просвечивает нимбом. И коса.

Косу-то он потом увидел, когда на улице разошлись в разные стороны, и он оглянулся: мама дорогая! Коса длинная, ниже пояса, и когда девушка шла, хвостик косы раскачивался в такт шагам — взгляд так и притягивался к этому месту, где хво-

стик. Марина сначала косилась на него довольно сердито — заметила, как он пялился на ее грудь. Потом, стоя рядом с Дымариком и слушая их разговор, она смотрела на Лешего широко распахнутыми серыми глазами, полными сочувствия.

Она почему-то приняла его за священника — может, потому что целый час до этого гуляла по Новодевичьему, а там такой же ходил бородатый, в рясе. Этот, правда, был в «штатском», но борода подходящая, как Марине показалось, и она негодовала, что он так откровенно ее разглядывает. Дымарик над ней потешался потом всю дорогу: «Священник, выдумала тоже! Экая ты у меня гаупышка! Алексей — реставратор по мебели, в музее работает, и художник неплохой».

Алексей же долго смотрел им вслед — с тоской даже смотрел, уж больно девушка хороша! И опять задумался: а правильно ли поступаю? От женитьбы его отговаривали все вокруг. Он и сам чувствовал, что не надо бы, но как вырваться из этого заколдованного круга, не знал. С того самого момента, как он проснулся в чужой постели с чудовишной головной болью и страшным похмельем и увидел рядом голое плечо, щеку с размазанной тушью и всклокоченные рыжие волосы Стеллы, от него не зависело ничего! Нет, тогда еще был шанс, но когда Стелла заявила, что беременна... Его загоняли, как волка в ловушку — с гиканьем и посвистом, под лай собак и дуденье охотничьих рожков. Стелка рыдала: папка убьет, если узнает! А «папка» — грозный

генерал КГБ — смотрел пронзительным взглядом и сдвигал могучие брови. Лёшка решительно не понимал, как он в это вляпался: Стелла ему не очень и нравилась...

— Какого хрена ты с ней переспал?! — спрашивал Серёга. — Тебе девок было мало?

— Да не помню я ничего, можешь ты понять! Сидели, выпивали, потом — бац, утро!

— Ну да, ели-пили, веселились, подсчитали — прослезились...

Родители, когда узнали — так и сели.

— Она-то тебя хоть любит? — спросила мать.

— Говорит — любит, — ответил он мрачно.

— А ты ее?

— Да, может, этой любви и вообще нету!

Мать с отцом только переглянулись. Познакомившись со Стеллой, мать совсем загрустила:

— Сынок, вроде ты и правильно поступаешь, но... неправильно! Не женись, намучаешься! Ну, признаешь ребенка, станешь алименты платить, только не женись!

— Как вы все не понимаете! — кричал он. — Как я своего ребенка брошу?! Не могу я подлецом всю жизнь дальше жить!

Он и правда — не мог. Одна мысль об этом приводила его в исступление. «Может, так мне и надо?» — думал он, вспоминая, как легко жил: не задумывался, резиновым мячиком катился. Весело жил. И с разбегу — лбом об стенку. Теперь поневоле задумываешься, как жить. А может — и ничего? Надо же